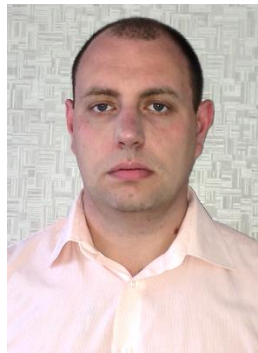

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.11

**СТРАТЕГИИ РАВЕНСТВА
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
КАК СПОСОБ
САМООРГАНИЗАЦИИ
МОЛОДЕЖИ**

**THE STRATEGIES
FOR THE EQUALITY
OF OPPORTUNITIES
AS A WAY OF SELF-
ORGANIZATION OF YOUTH**

Некрасов Евгений Евгеньевич

Соискатель,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск,
e-mail: izbirpravo@gmail.com

Evgeny E. Nekrasov

Applicant,
M.I. Platov South
Russian State
Polytechnic University,
Novocherkassk,
e-mail: izbirpravo@gmail.com

Данная статья посвящена анализу стратегий равенства возможностей молодежи, содержащих ориентацию на стартовые равные условия и инструментализацию личного ресурса. Основываясь на результатах актуальных социологических исследований, автор статьи приходит к выводу, что эмпирический материал свидетельствует о принятии российской молодежью легальной стратегии равенства возможностей, основанной на реализации социальных и трудовых прав. При этом молодые россияне, основываясь на логике самополагания, включают неформальные механизмы достижения жизненных планов, что приводит к разрыву между запросом на равенство возможностей и низким интересом к совместным практикам для взаимодействия со сложившейся институциональной средой. Автор статьи приходит к выводу, что личная ресурсность (образова-

The article is devoted to the analysis of the strategies for equality of opportunities for young people, containing an orientation towards equal starting conditions and the instrumentalization of a personal resource. Based on the results of current sociological research, the author of the article comes to the conclusion that empirical material indicates the adoption of the legal strategy of equality of opportunities based on the realization of social and labor rights by the Russian youth. At the same time, young Russians, based on logic of self-determination, include informal mechanisms for achieving life plans, which leads to the gap between the request for equality of opportunities and low interest in joint practices for interaction with the institutional environment. The author comes to the conclusion that personal resources (education, professional potential and societal qualities) do

ние, профессиональный потенциал и социальные качества) не достигает уровня социальной компетентности, способной мотивировать молодежь к самоорганизации в качестве эффективного механизма достижения равенства возможностей.

not reach the level of social competence that can motivate young people to self-organization practices as effective tool for achieving the equality of opportunities.

Ключевые слова: равенство возможностей, жизненные стратегии, молодые россияне, самоорганизация молодежи, социальная компетентность.

Keywords: equality of opportunities, life strategies, young Russians, youth self-organization, social competence.

Введение

Известно, что российская молодежь, являясь группой социального воспроизводства, испытывает трудности во вхождении во взрослую социальную жизнь. Речь идет о том, что российская молодежь, имея высокий адаптивный потенциал, в то же время определяет свои жизненные планы в соответствии с шансами их реализации. В условиях, когда государственная молодежная политика сужена, не ставит целью социальную интеграцию молодежи, возникает ситуация социальной неопределенности, вынужденного выбора молодежи реализовать жизненные планы. В этих условиях важным является анализ жизненных стратегий молодежи, поведенческих практик, направленных на реализацию жизненных планов.

Жизненные стратегии российской молодежи основываются, как отмечают В.И. Чупров и Ю.А. Зубок, на доступе к институциональным ресурсам [14, с. 103]. Тем не менее молодые россияне осознают неэффективность действующих институтов социальной интеграции и социализации. Отмечая, что российская молодежь ориентирована на реальные жизненные планы, не ставит высоких жизненных целей, полагается на ресурс личного оптимизма, жизненные стратегии выступают объективным критерием социальной активности молодежи. В сложившейся ситуации, когда жизненные перспективы неясны и привычные для советского периода жизненные траектории ушли в прошлое, молодые россияне определяют свои жизненные планы в рамках наследственной ресурсности (семейного капитала), наработанных в молодежной среде схем адаптации и действий по принятому (модальному) алгоритму поведения.

Таким образом, актуальным является анализ жизненных стратегий молодежи, определяющих ресурсный потенциал и восприятие объективных условий социальной среды. Учитывая, что российская молодежь поддерживает формулу социальной меритократии, равенства воз-

возможностей, концептуальное и социально-прикладное значение приобретает изучение стратегий равенства возможностей как поведенческих практик на основе воспроизводства и расширения коридора возможностей, обеспечивающего гарантию реализации жизненных планов.

Объектом исследования выступает стратегия равенства возможностей как способ самоорганизации молодежи, закрепление на личностном уровне установок на равный доступ к социальным ресурсам.

Предметом исследования является тренд самоорганизации российской молодежи в рамках стратегии равенства возможностей.

Для реализации цели исследования необходимо решить следующие задачи: концептуализировать понятие «жизненные стратегии молодежи»; проанализировать формирование жизненных стратегий молодежи в соответствии с выбором равенства возможностей; выявить корреляцию самоорганизации молодежи и реализацию стратегии равенства возможностей.

Степень научной разработанности темы статьи включает в себя анализ научных источников, ориентированных на исследование жизненных стратегий российской молодежи, самоорганизации и саморегулирования в контексте социальной неопределенности.

Актуализируемые в статье проблемы рассматриваются с учетом накопленного задела в работах М.К. Горшкова, В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, Д.Л. Константиновского, Г.А. Чередниченко и др. [6–8, 13, 14]. В качестве теоретической основы были использованы положения теории социального воспроизводства Т. Парсонса, структурно-конструктивистского подхода П. Бурдьё, теории структуризации Э. Гидденса. В статье нашли отражение положения теории неинституционализма Д. Норта, саморегуляции П. Штомпки и др.

Жизненные стратегии молодежи в контексте социологической мысли

Концептуализация жизненных стратегий молодежи стала вехой в развитии социологии молодежи, так как еще в 70-е гг. американские социологи-функционалисты обнаружили новые исследовательские акценты в интерпретации явлений в молодежной среде, в частности, отмечалось, что в молодежной среде возникли новые социальные и социокультурные факторы. Теоретические ресурсы структурного и функционального анализа были направлены на статус молодежи как социально-транзитивной группы. Социализация рассматривалась как процесс социального взросления молодежи через институты семьи, церкви, политических организаций, образования. Между тем исследования узких и непосредственных проблем в сфере образования и администрирования

молодежной политики показали, что в позициях молодежи проявилась тенденция к социальной акселерации, к сжатию периода подготовки к вступлению во взрослую жизнь и нацеленность на расширение самостоятельности. Структурно-функциональный анализ делал упор на принятие молодежью предписанных траекторий социализации, на накопление ресурсов на основе участия в институтах социализации. Однако рост нетрадиционных молодежных движений, непуританские стили поведения, принятие новых символических кодов и активность молодежных субкультур заставили задуматься о поведенческих кодах молодежи, о признании ценностей и норм самоорганизации и саморегулирования в молодежной среде.

Как писал Ч. Бидуэлл, «проблема поколений – есть, с одной стороны, проблема разрыва между убеждениями и делами молодых людей и ожиданиями взрослых, с другой – тревог общества по поводу бунтарства или апатии молодежи» [1, с. 297]. В рамках схемы принятия ролевых и поведенческих комплексов молодые люди, оказывается, испытывали напряженность в контексте достижения социальной зрелости. Для молодежи приоритет заключался не в зрелом возрасте, а в достижениях и заслугах, в личном успехе. Поэтому в рамках структурно-функционального анализа поведенческие установки молодежи могли восприниматься как отклонения от норм, как переход молодежи к параллельным социальным карьерам. Кроме того, обращалось внимание на драйв высокого профессионального положения, на то, что молодежь ориентирована на престижные в жизни общества сферы.

Был сделан вывод о недетерминированности судьбы молодежи, о том, что в рамках разрыва между родителями и детьми, снижения роли наследственного статуса, молодежь ориентирована на выработку собственных жизненных стратегий. Концептуализация этого понятия означала, что анализ положения молодежи в современном обществе показывает зависимость выстраивания жизненной стратегии от того, в какой степени молодой человек накапливает личностный ресурс и в какой степени действует логика самополагания.

Исследование жизненных стратегий как поведенческих практик, направленных на достижение иерархии жизненных целей, потребовало выхода за теоретические рамки структурно-функционального анализа. В работах представителей неоклассической социологии П. Бурдьё, Э. Гидденса, П. Штомпки жизненные стратегии определяются как алгоритм социального действия, основанный на присвоении социального пространства. Символический социальный капитал молодежи характеризует социальную траекторию группы, но жизненные стратегии фор-

мируются субъективными представлениями об объективно занимаемой позиции [2, с. 143]. Иными словами, молодые люди делают выбор жизненных стратегий исходя из персонификации социальных отношений, т. е. воспроизводства социальной позиции, практических схем действия, актуализирующих социальные ресурсы, и мобилизованности для индивидуальных социальных действий [11, с. 112]. При этом П. Бурдьё предупреждает об опасности социологического субъективизма, пренебрежении воздействием социального поля [2, с. 48].

Положение П. Бурдьё об интериоризации / экстериоризации в процессе формирования жизненных стратегий находит развитие в теории структуризации Э. Гидденса, согласно которой действия индивида в структурных границах приводят к изменениям. Очевидно, Э. Гидденс имеет в виду, что молодежь в рамках жизненных троп создает новые структурные условия и правила. Это является последствием жизненных стратегий молодежи, которая в реализации своих планов как использует традиционные институциональные способы, так и включается в формирование новых социальных реальностей. У Гидденса речь идет о том, что жизненные стратегии характеризуются ограничением и компетентности, ограничением в способах самовыражения и самоорганизации, компетентностью, способностью понимать цели и способы социального действия [5, с. 84].

В работах П. Штомпки делается акцент на человеческой активности, индивидуальной и коллективной. Отмечается, что среди факторов, генерирующих жизненные стратегии молодежи, выделяются микроструктура, матрица социального взаимодействия, социальные стереотипы (схемы восприятия) [12, с. 227].

Жизненные стратегии молодежи, таким образом, характеризуют картину проявления ее активности, основываются на переходе от простых взаимодействий к сети взаимодействий. Важным моментом в концептуализации жизненных стратегий молодежи можно считать ее аналитичность, сочетание объективных и субъективных факторов, которые складываются в конфигурацию обстоятельств, включает базовые установки условий и рассматривает возможности реализации индивидуальных интересов в траекториях молодежи как социальной группы.

Итак, жизненные стратегии молодежи рассматриваются как способ ее самоорганизации, обеспечения жизненного пути через включение личностной ресурсности и конвенциональных действий, и логики присоединения к социальным институтам [3, 4].

Жизненные стратегии российской молодежи в контексте выбора равенства возможностей

Российские исследователи В.И. Чупров, Ю.А. Зубок в конце 90-х гг. XX в. подчеркивали, что произошли изменения в мотивации деятельности молодежи, особенно в сфере занятости [10, с. 8]. В качестве аргументации использовались факт падения интереса молодежи к трудовой деятельности, инструментализация мотивов труда, падение доверия к госсектору и в целом индивидуализация поведенческих практик молодежи в рамках восприятия молодежью собственных перспектив на основе квалификации, престижа, степени удовлетворенности социально-профессиональным статусом. Вместе с тем отмечались и падение интереса молодежи к общественно значимым оценкам социальной деятельности, приоритет личного успеха. Данная тенденция, по мнению М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги, закрепилась в позициях постсоветских поколений молодежи. Речь идет о том, что молодые россияне основываются на социальном самоопределении как индивидуальном выборе.

Ожидания молодежи в отношении государства и власти можно охарактеризовать как скромные. Для молодежи государство овеществляется в деятельности государственных и гражданских институтов, призванных создать благоприятные условия для реализации ее жизненных планов [7, с. 81]. Если исходить из критерия одобрения государственных институтов, следует обратить внимание на то, что в оценках молодежи слабо проявляется социальный дифференциал, молодежь оценивает власть через призму создания внешних условий, безопасности, порядка, консолидации общества. Роль институтов поддержки и развития молодежи просматривается слабо. Характерно, что важное место в желаемых направлениях государственной молодежной политики занимают решение жилищной проблемы (72,5 %) и развитие условий содержательного досуга молодежи (54 %) [7, с. 88]. Можно предположить, что для молодых россиян поддержка извне связана с ограничениями: молодые люди позитивно настроены на участие государства в решении проблем, которые для молодежи представляются системными, но не воспринимают идею контроля жизни молодежи, негативно оценивают схему безусловной социальной опеки.

Таким образом, позиции молодежи выражают стремление к автономности в выстраивании жизненных планов, к тому, чтобы жизненные цели были в сфере социальной компетентности молодежи. Характерно, что, поддерживая идею повышения благосостояния граждан, молодые россияне склонны полагать, что желательным является создание оптимальных фоновых условий для реализации жизненных стратегий, оце-

нивают собственную ресурсность в качестве базы для построения жизненных стратегий.

Так, Д.Л. Константиновский, концентрируя внимание на человеческом капитале молодежи, призывает учитывать социально-инвестиционный фактор. Речь идет о том, что в построении жизненных стратегий важно разделять стартовое общее и индивидуальное в реализации жизненных целей. В этом контексте Д.Л. Константиновский предлагает рассматривать жизненные стратегии молодежи как взаимодействие формального, неформального, информального процесса, которое происходит в рамках образования, профессиональной подготовки, профессиональной карьеры [8, с. 18].

Действуя по предложенной исследователями схеме, можно констатировать, что жизненные стратегии российской молодежи рациональны, так как включают традиционные для современного общества механизмы социальной мобильности, но одновременно в условиях кризиса институтов молодежной политики наблюдается смещение на индивидуализацию жизненных стратегий. В подобной трансформации «виноваты» объективные условия (неравенство стартовых условий). В российском обществе неформальный (семейный) капитал превалирует над формальным, над обеспечением правового равенства. Как отмечают авторы, неформальный сектор выполнял и выполняет важную социально-экономическую функцию: смягчая социальную напряженность в обществе, сферу теневой экономики и теневой занятости, влияет на возрастание факторов сверхурочности, «временности», случайности в реализации жизненных стратегий россиян [8, с. 154].

Таким образом, жизненные стратегии, опираясь на принцип рациональности, характеризуются почтением неформальных институтов, а в отношении формальных институтов интерес представляют латентные функции, доступ к институциональным ресурсам с целью присвоения, реализации индивидуальных интересов. Таким образом, жизненные стратегии молодых россиян в идеальном варианте, в предположении, «что так должно быть», уступают практическим соображениям через восприятие «что есть».

Стратегии равенства возможностей можно выделить по трем основаниям (критериям). Легальная стратегия нацелена на актуализацию механизмов правовой и социальной защиты, на активность молодежи в отстаивании своих социальных и трудовых прав. Стратегия ожидания связана с тем, что молодые россияне рассматривают равенство возможностей как социальную справедливость, но при этом в рамках практического знания допускают использование неформальных механизмов,

представляющих конвенциональные компромиссные формы социально-договорных отношений. Стратегия принятия нелегитимности включает конструирование параллельной социальной карьеры в группах риска (алкоголизм, наркомания, нелегальный бизнес).

Таким образом, равенство возможностей оценивается и воспринимается как принцип реализации жизненных стратегий в зависимости от социальной ресурсности.

Самоорганизация молодежи в конструировании стратегии равенства возможностей

Рассматривая перспективы распространения легальных стратегий равенства возможностей, следует исходить из того, что, как писал О.И. Шкаратан, при одинаковых условиях молодые люди стоят перед выбором: пойти по более или менее рискованному пути [15, с. 233]. Риск в реализации жизненных стратегий определяется выбором социальной траектории, но при этом индивидуализация прослеживается в субъективной оценке жизненных шансов, в том, что принимаются приоритет конкретных жизненных целей и инструментарий их реализации. Так как жизненные стратегии российской молодежи характеризуются опорой на личную ресурсность, при одинаковых структурных условиях на выбор молодежи влияет включенность или невключенность в сети социального взаимодействия. Если вести речь о динамике стратегий возможностей, обращает внимание тот факт, что легальные стратегии поддерживаются «профессионалами», молодежью, обладающей профессиональными навыками и знаниями для повышения социального статуса. В меньшей степени легальные стратегии затрагивают молодых людей с потребительскими интенциями, с установками на высокий уровень потребления, который делает их «заложниками» социальной ситуации. В связи с этим следует отметить, что легальные стратегии равенства возможностей подразумевают стремление планировать свою жизнь, и, таким образом, 78 % россиян, составляющих ядро среднего класса, демонстрируют стремление к условиям, позволяющим проявить способности [6, с. 78]. Примечательно, что сторонники выбора легальных стратегий равенства возможностей одобряют критерий эффективности в оценке жизненных достижений, так же как и придерживаются принципа, что более высокий уровень образования легитимирует неравенство доходов. Получается, что в выборе легальных стратегий повседневностью является позиция защиты прав и свобод в рамках достижения социальной справедливости. Несмотря на то что доминирующим мотивом выбора жизненных стратегий выступает личный успех, крите-

рием конкурентоспособности становится хороший личностный потенциал [6, с. 246].

Можно констатировать, что в рамках реализации жизненных стратегий для молодежи предпочтительными являются хорошие знания в своей области (71 %), готовность работать вне зависимости от зарплаты (52 %), а также такие личные качества, как энергичность, энтузиазм, коммуникативность [6, с. 246]. В рамках запроса на равенство возможностей не следует абсолютизировать стремление к идеальной модели. Как показывают результаты социологических исследований, под влиянием трудностей устройства на работу, дефицита адекватных жизненным планам вакансий молодые люди ориентируются на решение проблем в одиночку, соглашаются на невыгодные условия деятельности при компенсации за счет дополнительных заработков.

Очевидно, что российская молодежь не консолидирована для участия в реализации программ поддержки молодежи. Молодежные организации, ограничиваясь символическими акциями, самоустранились от постоянной регулярной работы по формированию гражданско-профессиональной идентичности молодежи.

Можно констатировать, что реализация стратегии равенства возможностей предполагает взаимодействие институтов молодежной политики и высокопрофессиональных слоев молодежи, однако при этом сложно говорить об однозначном доминировании ориентаций на равенство возможностей в поддержке потенциала самоорганизации молодежи.

Заключение

Рассматривая проблему формирования и реализации стратегий равенства возможностей молодежи, следует исходить из того, что на смену доминировавшим в советский период установкам на коллективные риски жизненных стратегий приходят жизненные планы, предопределенные значимостью для личности жизненного успеха (семья, репутация, богатство, интересная работа). Вместе с тем прослеживается тенденция индивидуализации принятия жизненных стратегий как личного выбора, и в этом контексте существует разрыв между идеалами и инструментальными целями, связанными с карьерными или потребительскими маркерами. Анализ результатов социологических исследований свидетельствует, что стратегии равенства возможностей мотивируют молодежь на принятие разнонаправленных схем действия, что коррелирует с низким уровнем самоорганизации и ценностным плюрализмом в молодежной среде.

Литература

1. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
2. *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993.
3. *Воденко К.В.* Институциональные аспекты взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений и развитие системы современного высшего образования в России // Гуманитарий Юга России. 2016. № 2.
4. *Воденко К.В.* Ресурс межнационального согласия в молодежной среде российского общества // Гуманитарий Юга России. 2017. № 3.
5. *Гидденс Э.* Устроение общества. М., 2007.
6. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть. Т. 2. М., 2016.
7. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
8. *Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А.* Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М., 2014.
9. *Коркюф Ф.* Новые социологии. М., 2002.
10. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М., 2000.
11. Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.
12. Социология. М., 2005.
13. *Чупров В.И., Zubok Ю.А., Романович Н.А.* Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М., 2014.
14. *Чупров В.И., Ю.А. Zubok, Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. М., 2001.
15. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.

References

1. *Amerikanskaya sotsiologiya. Perspektivy, problemy, metody.* M., 1972.
2. *Burd'e P.* Sotsiologiya politiki. M., 1993.
3. *Vodenko K.V.* Institutsional'nye aspekty vzaimodeystviya sub"ektov sotsial'no-trudovykh otnosheniy i razvitie sistemy sovremennogo vysshego obrazovaniya v Rossii // Gumanitariy Yuga Rossii. 2016. № 2.
4. *Vodenko K.V.* Resurs mezhnatsional'nogo soglasiya v molodezhnoy srede rossiyskogo obshchestva // Gumanitariy Yuga Rossii. 2017. № 3.
5. *Giddens E.* Ustroenie obshchestva. M., 2007.
6. *Gorshkov M.K.* Rossiyskoe obshchestvo kak ono est'. T. 2. M., 2016.
7. *Gorshkov M.K., Sheregi F.E.* Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret. M., 2010.
8. *Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A.* Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: obrazovanie, trud, sotsial'noe samochuvstvie. M., 2014.
9. *Korkyuf F.* Novye sotsiologii. M., 2002.
10. Molodezh' v obshchestvennom vosproizvodstve: problemy i perspektivy. M., 2000.
11. Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo. M., 2001.
12. Sotsiologiya. M., 2005.
13. *Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A.* Otnoshenie k sotsial'noy real'nosti v rossiyskom obshchestve: sotsiokul'turnyy mekhanizm formirovaniya i vosproizvodstva. M., 2014.
14. *Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Uil'yams K.* Molodezh' v obshchestve riska. M., 2001.
15. *Shkaratan O.I.* Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'. M., 2012.